

Флоренский и Хайдеггер об *αλήθεια*: забвение и/или сокрытость?

Хайдеггер знал о существовании Флоренского как философа от своего слушателя, Евсея Давидовича Шора (1891–1974) и использовал его идеи в своих «Лекциях 1931/1932 года». Эта версия, до недавнего времени существовавшая как недоказанная гипотеза, получила дополнительное подтверждение в одном из писем Е.Д. Шора своей кузине, Ольге Александровне Шор (Дешарт). Речь идет о философской категории, равно важной как для Флоренского, так и для Хайдеггера: о категории *αλήθεια*; однако трактовки этого понятия, явно навеянного греческой философской культурой, у Флоренского и у Хайдеггера различны. Установлению этих связей, зависимостей, различий и сходств посвящена эта статья.

Ключевые слова: Хайдеггер, Флоренский, Вяч. Иванов, Е.Д. Шор, «Русская идея», истина, *αλήθεια*, сокрытость, забвение.

1. Хайдеггер, Флоренский, Иванов и «русская идея»¹

Хайдеггер не только знал, вопреки расхожему мнению, о существовании Флоренского от профессора Евсея Давидовича Шора (1891–1974)², активного участника курса лекций «О существе [сущности] истины. О платоновской притче о пещере...», читанного Хайдеггером в зимний семестр 1931/1932 г. во Фрейбурге, а до этого – участника гуссерлевских семинариев, но и использовал идеи Флоренского в своих «Лекциях 1931/1932 года», – без единой, впрочем, ссылки. Так утверждают очевидцы. О знакомстве Хайдеггера с концепцией *Истины / αλήθεια* Флоренского упоминает пионерская публикация В.В. Янцена, в которой подробно описана беседа Шора с Хайдеггером:

... мы заговорили об отношении русской мысли к его философии. Я обратил его внимание на ряд сходств, делающих его философию особенно близкой для русского читателя. Между прочим, я затронул

проблематику, являющуюся как бы введением в его философское мышление: проблематику двойственного значения понятия истины, которое он постоянно разрабатывает с помощью тонкого философско-филологического анализа (речь идет о его знаменитом толковании греческого понятия истины «*ἀλήθεια*» как «*α-λήθεια*» = не-сокрытости, – термине, полученном им в ходе этого толкования и ставшем основным понятием его философствования и его интерпретации Платона и Аристотеля). Я сообщил ему, что русскому языку уже известно двойственное понятие истины, выражаемое посредством двойного обозначения, и тем самым в нем непроизвольно ставится та проблема, которая в иноязычной мысли еще должна быть открыта. С другой стороны, [сообщил ему], что анализ слова, являющийся для его философии вводным и основополагающим, в другой связи и в более широком плане [проведен] современным русским богословом и философом П. Флоренским. Мое изложение, сопровождавшееся кратким изложением итогов учения Флоренского, вызвало у Хайдеггера оживленный интерес. Он *тут же призвал меня перевести это сочинение Флоренского на немецкий язык в связи с «Русской идеей»* (курсив мой. – А. Р.) и более того – в связи с некоторыми переложениями, которые я делал для проф<ессора> Гуссерля из сочинений его московского ученика, проф<ессора> Шпета³.

Оставим в стороне волнующий вопрос о том, что интересовало Гуссерля в 1931 г. из сочинений Шпета ГАХНовского периода (мне лично хотелось бы думать, что это что-то из области «Внутренней формы слова» – тогда связь с Флоренским была бы еще тесней)⁴. Все это пока в области гипотез. Достоверно здесь то, что Хайдеггер ставит «Столп» Флоренского, а конкретно – его учение об *ἀλήθεια* – в зависимость от «Русской идеи» (и как сборника, и как концепта), поэтому необходимо сказать хотя бы несколько слов об этом.

Речь идет о переводе Шором на немецкий язык книги «Русская идея» Вяч.И. Иванова, жившего тогда в Риме, в московские времена – близкого друга Флоренского. Сборник составлялся не менее двух лет, – и был рассчитан как минимум на громкий успех⁵. Так, 28 июня 1927 г. Шор пишет Иванову из Церингена: «Одновременно с этим письмом посылаю Вам перевод “Русской Идеи”, Вайбель согласен издать его отдельной брошюрой. Два года тому назад Вы полагали возможным и желательным “Русскую Идею” издать. Если Ваше мнение не изменилось, то выпуском “Русской Идеи” мы пробили бы рок, висящий до сих пор над немецкими изданиями Ваших произведений... <...> Мне кажется, что теперь – в десятилетие революции – “Русская Идея” будет особенно интересна и современна.

В случае Вашего положительного ответа я переговорю с Вабелем об условиях. Должен просить прощения: без Вашего разрешения читал перевод “Русской Идеи” в тесном профессорском кругу. Содержанием – как я и предполагал – потряслись; стилю изумились: они не привыкли к такому изобилию смыслов и усложненности мысли»⁶ Правда, по выходу брошюры ожидаемые восторги по поводу «Русской идеи» несколько поутихли. 7 июня 1930 г. Шор с грустью сообщает своей кузине, Ольге Александровне Шор⁷, сетуя на медлительность немецкой прессы: «Рецензии появляются здесь через ½ года [после] выхода в свет книги. Сегодня посылаю первую вырезку Вяч. Ив-чу»⁸. Впрочем, это возможное снижение интереса *немецкого* читателя к *русской* идее Шор предвидел еще в 1927 г.: «Насколько я понимаю, историческая постановка вопроса содержится во II главе: Интеллигенция – на распутье; ей предстоит или измениться, или погибнуть. Последняя революция дала ответ: Интеллигенция не изменилась – и погибла... <...> Для меня неясно: следует ли сопроводить перевод примечаниями, ставящими мысли “Русской Идеи” в связь с текущей исторической действительностью или лучше (дипломатичнее) предоставить каждому читателю делать свои выводы. Одна из трудностей – для немецкого читателя – заключается в том, что проблема “народ и интеллигенция” Зап<адной> Европе чужда – не следовало бы снабдить перевод маленьким экскурсом-примечанием, посвященным этой проблеме»⁹. Однако в 1931–1932, и уж особенно в 1933–1934 гг., «странная» русская проблема – соотношения власти, интеллигенции и народа, «правителей», «земли» и «царства» – из проблемы сугубо провинциальной, русской, становится едва ли не решающей уже для стремительно меняющейся Европы.

Уже начало ивановского текста звучит как актуальная европейская повестка:

На каждом повороте нашего исторического пути мы сталкиваемся с нашими «принципиально русскими» вопросами: о разрыве и противоречии между органическим содержанием жизни и сознания единого общественного организма и действиями и устремлениями тех социальных групп, на которых держится государство и культура, и которые в силу этого призваны формировать это самое содержание, но на самом же деле всячески открещиваются от него, а то и предают, – о глубинной связи с исконными традициями и отказе от каких бы то ни было корней, – о памяти, лишенной жизни и о жизни, лишенной памяти. И кажется, что, как встарь, так и ныне, мы, разбирая все эти вопросы, последовательно решаем один единый вопрос – о нашем

национальном самоопределении. Ибо наша народная душа не нашла еще свою окончательную форму, как не нашла своего исторического воплощения и последняя воля народа¹⁰.

Ключевые тезисы ивановского текста – необходимость «преодоления индивидуализма» для интеллигенции; дихотомия «земли» и «царства»; «земля», воспринимаемая как духовная родина «народа»; жажда как со стороны «интеллигенции», так и со стороны «народа» «новозаветного синтеза всех определяющих жизнь начал и всех определяющих жизнь энергий»¹¹, – вся эта риторика стала популярна в Германии в период т. н. «консервативной революции» (в историческом смысле этого слова). На общее изменение интеллектуальной ситуации и актуальности, в этой связи, ивановской брошюры, обращает внимание в своей обширной рецензии близкий знакомый Иванова еще по «Мусагету», Э.К. Метнер¹². Впрочем, высоко оценил эту брошюру и Гуссерль: «По сообщению Юши, Гуссерль ему пишет о “Р<усской>Идее”: “*sehr belehrend*” [очень поучительно (нем.). – А. Р.] – и это будто бы высший у него комплимент»¹³. Сопоставление же идеи восхождения и нисхождения и интерпретации солярного/светового символа в «Русской идее» Иванова и Лекциях «О существе [сущности] истины 1931/1932 г.» и «О существе [сущности] истины 1933/1934 г.» требует, безусловно, отдельного и тщательного исследования; сейчас мы упомянем о ней лишь вскользь.

Такой чуткий политический мыслитель, как Хайдеггер, не мог не обратить внимания на важность этой темы – народ/идеократы/власть, «земля» и «царство» – уже для своего народа и для своей страны. По замечанию А.В. Михайловского, успешно «вычленившему» политическую компоненту из двух годичных циклов лекций Хайдеггера «О существе [сущности] истины» («*Vom Wesen der Wahrheit*») (зимний семестр 1931/1932 и зимний семестр 1933/1934 г.), «Все это подводит нас к ответу на поставленный выше вопрос о связи различных толкований притчи о пещере с притязаниями философов на господство в государстве. Мне представляется, что полноценное объяснение едва ли возможно без включения еще одного звена – лекционного курса “*Vom Wesen der Wahrheit*” зимнего семестра 1933/34 г. <...> Хотя он и повторяет отчасти одноименный лекционный курс зимнего семестра 1931/32 г., однако множество актуально-политических коннотаций придает ему совершенно иной вид <...> В вопросе о возможности государства, согласно интерпретации Хайдеггера, изначально является следующий принцип: подлинными хранителями человеческого бытия-друг-с-другом в единстве polis’a необходимо

должны быть философы. Хайдеггер ставит перед собой задачу актуализации Платона и – шире – древних греков. Собственно, лекционный курс 1933/34 “О существе истины” и является реализацией этой задачи¹⁴. Михайловский убедительно показывает, что Хайдеггер в 1933/1934 гг. предлагает свой ответ на вопросы «Русской идеи»: речь идет не об историческом проигрыше интеллигенции, но о том, что «идея Блага в лекциях 1931/32 и 1933/34 гг. уполномочивает философа отменить существующие законы и заменить их, равно как и поддерживаемый ими миропорядок, другими законами и другим миропорядком. Эта интерпретация идеи Блага также связана с представлением о событийном характере истины, с представлением о драме историчности, и потому присутствует только в лекциях 1931/32 и 1933/34 гг. и полностью отсутствует в эссе “Учение Платона об истине”¹⁵. Речь идет о власти философов, о «постепенном подтягивании к свету», об истине как непотаенности, – концепции, потерпевшей, впрочем, к 1942 г. сокрушительный провал: истина «стала правильностью».

2. Хайдеггер, Флоренский, αλήθεια: история вопроса с элементами психологии

Тем не менее «Притча о пещере», равно как и учение о двойственности истины в хайдеггеровских лекциях зимнего семестра 1931/1932 гг., уже были. Предоставим слово Шору: в одном из писем сестре (письмо от 18 февраля 1933 года) он сообщает следующее:

Зимой 31 года я посещал его лекции «О сущности истины» [так! – А.Р.]. Он начал с анализа Платоновой пещеры и вел его до конца полугодия. В его манере говорить, в каком-то > большом внутреннем напоре, есть несомненно что-то увлекающее. Беда лишь та, что он дальше того, что он дал в своей книге¹⁶, в лекциях не идет; наоборот, всегда начинает с анализа понятия истины – будь то публичная лекция или <?> «коллег», – и редко доводит до конца. Незадолго до своего отъезда я посетил его в приемный час, сообщил ему об анализах понятия истины Флоренского; это его необычайно заинтересовало; Вы должны были бы перевести этот труд! Воскликнул он. Вскоре после того он на лекции привел толкование Флоренского (Алетэ), не указав, конечно, источника¹⁷.

Как видим, темы «Русской идеи», – власти, народа, идеократии, – для Шора в 1933 г. уже неактуальны (он их здесь даже не упоминает), – однако запомним подмеченную Шором

«незаконченность», «незавершенность» определения термина *αλήθεια* Хайдеггером. Тем не менее интерес именитого немца к концепции *αλήθεια* уже у Флоренского, как и использование его трактовок на лекции без ссылок, отмеченные не только в письме к издателю (тут можно было бы заподозрить хоть какой-то корыстный интерес), но и в частном письме – уже не просто гипотеза, но биографический факт.

В связи с этим биографическим фактом у независимого исследователя возникают два вопроса. Во-первых, о каком же «двойственном понятии истины» в *русском языке* ведет речь Шор?¹⁸

В русском философском и публицистическом языке конца XIX – первой трети XX в. общим местом, скорее, было двойственное понятие *правды* как *правды-истины* и *правды-справедливости*, введенное Н.К. Михайловским: первая – «правда неба», или изначальная, онтологическая правда, вторая же – «правда земли», правда социальной реальности в ее идеале (продуктивным является сопоставление понятия «общественный идеал» в языке русских философов права именно с этим, вторым значением слова *правда*). У Хайдеггера же в рамках курса лекций 1931/1932 гг. речь действительно идет о двойственном характере *истины/αλήθεια*; причем трактовка этой двойственности меняется.

Во-вторых, если мы беремся утверждать, вслед за Шором, факт знакомства Хайдеггера с концепцией Флоренского, то вполне уместно спросить: какие источники могли быть известны сумрачному и желчному германскому гению без учета знакомства с Шором; на какие тексты он мог опираться? – Ответ находится в продолжении письма Шора Зибеку, цитированному выше:

...Я знал, однако, что некоторые фрагменты этого сочинения Флоренского (Столп и утверждение истины) были переведены фон Бубновым и опубликованы в «Восточном христианстве» у Бека, и пообещал Хайдеггеру выяснить, имеется ли там упомянутое мною место. Заказав потом книгу, я должен был потом с сожалением констатировать, что прекрасный труд Флоренского, который не только глубоко задуман и продуман, но и искусно оформлен и пронизан мощным чувством стиля и композиции, искажен произвольной рубкой на части. И не удивительно: книга в 418 страниц сокращена до 167 страниц <...> Многое философски важное и богословски значимое (в том числе и место, о котором я говорил с проф<ессором> Хайдеггером) осталось незамеченным фон Бубновым¹⁹.

Итак, по утверждению Шора, оказались сильно искажены Письмо первое «Два мира» и Письмо Второе «Сомнение» «Столпа...»,

в которых и изложена идея *Истины/αλήθεια* Флоренского. Не так часто в истории идей новейшего времени встречаются концепции, *пересказанные* одним мыслителем другому, со всеми очевидными в таком случае недопониманиями и невольными искажениями. Такой *пересказанной* концепцией оказалась, по-видимому, и *Истина/αλήθεια* Флоренского. Встречались же и длительно беседовали Хайдеггер с Шором (слушание лекций – не в счет), по свидетельству последнего, один-единственный раз. Шор не любил, хоть и ценил, Хайдеггера. Однако дал ему при этом в письме к сестре нелицеприятную, но, видимо, верную, психологическую, во многом провиденциальную характеристику: своего рода «невербальный портрет», ничем не хуже портрета художественного или фотографического.

...О Хайдеггере могу сообщить следующее. Он происходит из Шварцвальдских крестьян, был католиком, надеждой католического факультета Фрейбургского университета, прекрасный знаток теологии (как утверждает Гуссерль, который сам в теологии мало ориентирован); надежды католиков он обманул, вышел из католической церкви, во время Хейдельбергского доцентирования не раз нападал на католическую церковь в своих лекциях; в позапрошлом году был близок, как говорили, к национал-социалистам; в конце прошлого года после большого богослужения в Мюнстере, на виду у всех пожал руку, кажется, епископу, как мне недавно сообщило лицо, с которым мы не раз беседовали о Хайдеггере и его проблематичности.

Личные мои впечатления: первые годы моего пребывания во Фрейбурге после Дрездена (<19>29, <19>30) я не мог посещать его лекции, т. к. он внушал мне непосредственную, физиологическую антипатию; в <19>31 году²⁰ в нем что-то переменялось, и какая-то положительная струя его личности начала как будто бы преодолевать темное начало <...> Как человек, он может быть очень неприятен, даже хуже. Так он провалил в <19>29 году давно обещанную ординатуру папаша Кона, кот<орому> тогда минуло 60 лет, и кот<орый> имел все основания рассчитывать на такое хотя бы позднее признание своей философской деятельности. Так, он всячески приманивал к себе учеников Кона, и переставал ими интересоваться, когда они к нему переходили. От третьих лиц я слышал, что он мною интересовался и ценит меня; вероятно, п. ч. я держал себя по отношению к нему крайне независимо, и *за эти годы лишь один раз посетил его в приемные часы* (курсив мой. – А. Р.).

Он представляет собой странное соединение чего-то глубоко неприятного с какой-то значительностью. В нем чувствуется все же настоящий философский темперамент, сосредоточенность, страст-

ность. Но глубочайшая неспасенность. Незадолго до нашего отъезда из Фрейбурга я познакомился с одной его ученицей, немолодой уже студенткой²¹. Женщиной умной, философски начитанной, страстной и фанатичной. Она бы ла католичкой<, > по-видимому под влиянием Хайдеггера вышла из католической церкви. Но знает, что философию можно понять лишь от религиозного переживания, знает, где спасенность и где потерянность, и где-то в душе своей пытается отомлить Хайдеггера и спасти его от существенного внутреннего мрака. Удастся ли это ей – сказать трудно. Какая-то мистическая связь между ними есть, хотя видятся и говорят друг с другом они редко; не знаю даже, подозревает ли Хайдеггер, что эта девушка постоянным внутренним усилием пытается спасти его, и что она всей душой надеется, что последнее Ничто, являющееся основанием его философии, превратится в мистическое Бытие; лишь смертным взорам представляющееся, как Ничто...²²

3. Флоренский, Хайдеггер, ἀλήθεια «in intra»: сходства и различия

А что же философия? Что же Хайдеггер и Флоренский? Краткий экскурс в «истиноведение» у Хайдеггера мы находим в уже упоминаемой работе А.В. Михайловского «Философия как эзотерическое знание: к интерпретации притчи о пещере у М. Хайдеггера»²³. Концепция истины как непотаенности появляется у немецкого мыслителя в курсе лекций зимнего семестра 1924/1925 г., посвященном «Софисту» (у Флоренского – в курсе лекций «Из истории античной философии», читанного в Московской Духовной академии в Сергиевом Посаде в октябре–декабре 1908 г., в связи с названием одного из сочинений Протагора²⁴); Хайдеггер приписывает открытие этого термина Сократу, Платону и Аристотелю; Флоренский, как видим, Протагору. Однако следует учесть, что с 1908 г. (а по мнению ряда исследователей – с 1904-го) Флоренский пишет свою наиболее известную книгу, «Столп и утверждение Истины», где значимое для нас понятие *Истины* появляется уже в первой опубликованной редакции – впрочем, не исчезает она и во второй редакции, ни в версии, защищенной как магистерская диссертация по богословию, ни в окончательной версии текста (1913 г., указ. 1914 г.)²⁵.

Итак, почти год спустя после своего курса по «Софисту» – и почти восемнадцать лет спустя после курса Флоренского со сходным названием «Основные понятия античной философии», и спустя двенадцать лет после публикации «Столпа», – Хайдеггер вновь

обращается к этой теме, трактуя истину как «правильность», как все большую и большую степень приближения к благу, как «подтягивание к свету»²⁶. В 1930 г. Хайдеггер читает большую лекцию на тему *истина/ἀλήθεια*, которая и ложится в основание курсов «*Vom Wesen der Wahrheit*» 1931/1932 гг., затем расширенного в области мистико-политического дискурса курса лекций с тем же названием 1933/1934 гг.. Этот сюжет был затем значительно переработан в 1940-е годы в хрестоматийный текст под названием «Учение Платона об истине», уже с совершенно другими контекстами и интерпретациями.

Однако нас все же будет занимать тот самый знаменитый курс 1931/1932 г. тем более что Шор в начале курса уже посетил Хайдеггера и рассказал ему и про «Русскую идею» Иванова, и про концепцию истины у Флоренского, и про Гуссерля и Шпета, и вообще, судя по всему, много чего рассказал²⁷.

Исследований, посвященных непосредственно интересующей нас теме сопоставления терминов *истина/ἀλήθεια* ранним Хайдеггером и *Истина/ἀλήθεια* ранним Флоренским, насколько мне известно, нет. Сличение же знаменитого хайдеггеровского курса 1931/1932 «О сущности [существо] истины» с соответствующими разделами «Столпа...» приводит к любопытным результатам. Как мы увидим ниже, в соответствующих разделах «Столпа» Флоренский речь ведет отнюдь не о двойственном значении слова истина / *ἀλήθεια* – вернее, двойственность его весьма и весьма нетривиальна:

1) Прежде всего, Флоренский предлагает рассматривать истину не как то, что *бывает* – вот здесь, рядом, как знание, или вещь, или как знание об этой вещи – но как то, что непосредственно не дано, как то, к чему – единственному – должно стремиться. Истина / *ἀλήθεια* есть точка опоры, вне которой немислимо никакое подлинное бытие, благо; никакая онтология: «...из глуби души подымается нестерпимая потребность опереть себя на “Столп и Утверждение Истины”, на *στυλός και ἐδραίωμα της ἀληθείας* (1 Тим 3, 15) *της ἀληθείας*, а не просто *ἀληθείας*, – не одной из истин, не частной и дробящейся истины человеческой, мятущейся и развеиваемой, как прах, гонимый на горах дыханием ветра, но Истины все-целостной и веко-вечной, – Истины единой и Божественной, светлой-пре-светлой Истины, – Той “Правды”, которая, по слову древнего поэта, есть “солнце миру”»²⁸. А к такой Истине не так-то легко и подойти.

2) Однако если Истина есть то единственное, сущее всеединое, то «тогда с л о в о “истина” не покрывает собственное своего содержания, и чтобы, хотя приблизительно, ради предварительного осознания собственных исканий, раскрыть смысл слова *истина*, необходимо посмотреть, какие стороны этого понятия имелись

в виду р а з н ы м и языками, какие стороны этого понятия были подчеркнуты и закреплены посредством этимологических оболочек его у разных народов»²⁹, т. е. необходим этимологический подход к раскрытию этого понятия. Поскольку Истина – это то, что *есть*, а то, что *есть*, мы можем описать словами, произносимыми на разных языках, именно этимологический подход может и должен привести к пониманию сущности [существа] истины: «Истина – “сущее”, подлинно-существующее, τὸ ὄντως ὄν или ὁ ὄντως ὄν, в отличие от мнимого, не действительного, бывающего. Русский язык отмечает в слове “истина” онтологический момент этой идеи»³⁰. «Истинным» может быть и «точно подобный», и «живой, дышащий»³¹. Иное – у греков.

3) Греческое понимание истины как ἀλήθεια связано для Флоренского – опять-таки этимологически – со словом «Лета», со словом «забывать»:

Истина, – ἀλήθεια. Но что же такое эта ἀλήθεια? – Слово ἀλήθε(σ)ια, или, в ионической форме, ἀληθειη, равно как и производные: ἀληθής – *истинный*, ἀληθεύω – *истинствую, соответствую истине* и др., образовано из отрицательной частицы ἀ (ἀ privativum) и *ληθος, дорическое λᾶθος. Последнее же слово, от √ladho, сокоренно с глаголом λάθω, ионическое λήθω, и λανθάνω – *минуя, ускользаю, остаюсь незаметным, остаюсь неизвестным* <...> Древнее представление о смерти, как о переходе в существование призрачное, почти в самозабвение и бессознательность и, во всяком случае, в забвение всего земного, – это представление символически запечатлено в образе испиения тенями воды от подземной реки Забвения, «Леты». Пластический образ *летейской воды*, τὸ Λήθης ὕδωρ, равно как и целый ряд выражений <...> – все это вместе ясно свидетельствует, что *забвение* было для эллинского понимания не состоянием простого *отсутствия* памяти, а специальным *актом* уничтожения части сознания, угашением в сознании части реальности того, что забывается, – другими словами, не неимением памяти, а *силою* забвения. Эта сила забвения – сила всепожирающего времени³².

И отсюда, 4) ἀλήθεια – это не просто то, что *есть*. Это то одно, что позволяет *быть*, – и не позволяет *забыть*, а значит – позволяет *быть вечно, над* временем, – и при этом «минует», «ускользает», «остаётся незаметным и неизвестным». Истина – это то, что *незабвенно* – но может быть *скрыто* в толще времени. Истина не всегда заметна. Более того. Она практически *никогда* не заметна в потоке становления, в постоянном превращении форм бытия (что напоминает нам о Гераклите и о гераклитовом потоке). И вместе с тем

Истина – это то, что *есть* (а не то, что «бывает», «происходит», «случается»), то, что незабвенно, ибо оно – *не*-забываемо. Проблема только вспомнить³³.

Хайдеггер же начинает свой курс лекций с того (§1)³⁴, что говорит о сомнительности «само собой разумеющегося» предмнения о сущности и истине – и сразу же переходит к указанию на «понимание сущности *истины* в двойном отношении»: как правильности («истинности») высказываний и – «истинности самой вещи» («истинный друг», «настоящее золото»)³⁵. Судя по тому, что эта лекция была одной из первых, видимо, именно после нее Шор и разговаривал с Хайдеггером; – однако, как было показано, двойственность слова *истина* / *правда* в русском языке – это все-таки нечто другое, чем то, о чем вел речь Хайдеггер изначально.

Затем (это, по всей видимости, уже более поздняя лекция) Хайдеггер так же, как и Флоренский, делает некий экскурс в историю понятия *истина* / αλήθεια: мы должны, отбросив «предмнения», вернуться к начальному греческому опыту αλήθεια как «непотаянности». Хайдеггер негодует, кстати, на всякие эти там этимологические разборы, которые не проясняют, а только запутывают суть вопроса:

Мы должны остерегаться того, чтобы разлагать слово на составные части и вычитывать из него всякую всячину, вместо того, чтобы обращаться к самой вещи, о которой идет речь. К каким только бесплодным рассуждениям и даже роковым заблуждениям не приводят хитрые кунштюки этимологии³⁶.

Похоже, это те самые этимологические разборы, которые до сих пор вызывают столько вопросов у флоренсковедов, которые Флоренский так любил и с помощью которых так ювелирно выстраивал *динамику* слова, его рост от зерна до древа понятия. Αλήθεια Хайдеггера всегда *статична*; мы лишь забыли ее изначальный греческий опыт, и наша философская задача – вернуться к нему³⁷. Статична и та *двойственность* истины, о которой говорит Хайдеггер. Двойственный характер истины, интерпретация этого двойственного характера истины меняется:

1. Греки понимали то, что мы называем истинным (das Wahre), как не-потаянное (das Un-verborgene), более не скрытое; то, что *без сокрытости*, а значит вырванное из потаянности, как бы похищенное у нее <...> Привативное выражение: «истинное» означает то, чего больше *нет* у сущего (курсив Хайдеггера. – А. Р.).

2. Значение греческого слова для истины, непотаянность, не имеет ничего общего с *высказыванием* (курсив Хайдеггера. – А. Р.)<...> с соответствием и правильностью. Быть потаянным и непотаянным

означает нечто иное, чем соответствовать, быть соразмерным, отвечать чему-то <...> *Истина как непотаенность [aletheia] и истина как правильность [homoiosis]*³⁸ <...> *это как будто два совершенно разных опыта* (здесь курсив мой. – А. Р.)³⁹.

По сути, меняется второй момент в понимании существа истины: то, что «соразмерно» и «правильно», строго говоря, не может называться истинным по-настоящему. «Правда земли» – лишь подобие «правды неба». Иное же дело – *истина* / ἀλήθεια как то, что имеет отношение к сущему: как то, что вырвано или похищено у него.

Предварительные выводы

Различие между алетейями Флоренского и Хайдеггера – это различие между двумя видами Леты: забвением и сокрытостью. Забвение – это сокрытость, связанная с временем и памятью; сокрытость в толще времени и памяти. Именно отсюда нанизывание парадоксов у Флоренского: «Следовательно, незабвенное сущее, которого ищет сознание, эта ἀλήθεια есть покоящийся поток, пребывающее течение, неподвижный вихорь бытия»⁴⁰. Поэтому любой акт памятования, как преодоления времени, и есть пресловутый переход из потаенного в непотаенное. Отсюда: «я помню, следовательно я существую»⁴¹ С. Раевского. Отсюда: «помянуть что-нибудь – для сущности значит спасти его»⁴² А.Ф. Лосева.

У Флоренского ἀλήθεια спрятана от сознания: сознание ее ищет, она ему – как незабвенное сущее – не дана. У Хайдеггера, напротив, ἀλήθεια более не скрыта. Где? – В толще сущего. У Флоренского ἀλήθεια и есть *скрытое* сущее. У Хайдеггера «истинное» означает то, чего больше *нет* у сущего»⁴³.

Заметим, что и у Раевского, и у Лосева, очевидно здесь следующие за «Столпом...», происходит неявная подмена/движение онтологических категорий: у Раевского речь идет о существовании (existentia), несмотря на отсылку к картезианской формуле (cogito ergo sum); у Лосева – о сущности как личности, с последующей рафинированной диалектикой Сущности и Имени. Однако и у Флоренского и у Хайдеггера речь идет о сущем, о глубинной недостаточности понимания и необходимости тщательного изучения трансформаций одной из самых, пожалуй, тонких и сложных философских категорий. Эти трансформации, осуществленные в XX в. в том числе и нашими героями, никак не могли упустить такой важной вещи, как ἀλήθεια/истина: «забвение» и/или «сокрытость»; «(вс)помнить» и/или «открыть(ся)», Бытие и/или Ничто.

- ¹ Я выражаю глубочайшую благодарность Директору Римского архива Вяч. Иванова А.Б. Шишкину за право работать с уникальными документами Архива и цитировать некоторые из них, а также своего друга и коллегу А.В. Михайловского – за ценные замечания в период работы над статьей и за перевод необходимых мне фрагментов из курса хайдеггеровских лекций «О существе [сущности] истины. О платоновской притче о пещере...» 1931/1932 гг.
- ² См. о нем, напр.: *Янцен В.* Российские ученики Э. Гуссерля из фрейбургской «Святой общины». Фрагменты переписки Д.И. Чижевского и Е.Д. Шора // *Логос*. 2006. № 1. С. 140–142. Я вполне разделяю мнение В.В. Янца о том, что «сразу же бросается в глаза при чтении работ и писем Е.Д. Шора, – речь идет не о каком-нибудь “аутсайдере” мысли или второстепенном распространителе чужих идей, но о вполне оригинальном, самостоятельном ученом, мыслителе и писателе, который именно так и воспринимался своими знаменитыми современниками и наследие которого поэтому заслуживает самого серьезного изучения» (*Янцен В.* Указ соч. С. 141).
- ³ *Янцен В.* Эпизод из истории связей Э. Гуссерля и М. Хайдеггера с русской мыслью (1931) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2003 [6] / Под ред. М.А. Колерова. М., 2004. С. 547–548. Это письмо Шора к известному немецкому издателю О. Зибеку от 6 декабря 1931 г.
- ⁴ Шор пишет Иванову об этом так: «Кстати: недавно я был у Гуссерля, беседовал с ним о русской феноменологической группе, главным образом, о Шпетте и возможности издания его произведений (Шпетт ведь считается Гуссерлианцем); Гуссерль, как всегда, был трогателен и очарователен; обещал печатать в своих “Феноменологических Ежегодниках” все, что будет ему прислано, если только по стилю своему присланные статьи будут подходить под стиль “Ежегодника”. Сейчас ведь наряду с Гуссерлевской есть Хайдеггеровская феноменология, и Гуссерлю поневоле приходится расширить рамки своих Ежегодников. Таким образом, эти Ежегодники тоже открыты для Вас, дорогой Вячеслав Иванович; не знаю только, захотите ли Вы дать какую-нибудь статью в этот столь специальный журнал, и сумеют ли феноменологи понять живое узрение сущностей, о котором они столько пишут и, верно, в тайне мечтают» (*Сегал Д., Сегал-Рудник Н.* «Ну, а по существу я Ваш неоплатный должник». Фрагменты переписки В.И. Иванова с Е.Д. Шором // *Символ*. 2008. Париж – Москва. № 53–54 / Сост. Н. Мухслишвили, А. Шишкин, А. Юдин. С. 355. Далее – *Символ*. 2008, с указанием страницы). Это письмо Шора к Иванову от 24 января 1930 г., т. е. достаточно близкое по хронологии к описываемым нами событиям.
- ⁵ Речь идет об издании: *Iwanow W.* Die russische Idee / Übersetzt und mit einer Einleitung. versehen von J. Schor. Tübingen: Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1930. Историю этой публикации, а также текст самой статьи Иванова 1909 г., к 1930-му году переработанной для немецкого читателя и вышедшей на немецком языке, см.: *Иванов В.И.* Приложение // Берд Р. Русская идея (1930) / Пер. с нем. М. Кореновой, коммент. Р. Берда // *Символ*. 2008. С. 85–134.
- ⁶ Архив Вяч.И. Иванова в Риме (далее – РАИ). Оп. 5. Карт. 12. П. 2. Л. 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.v-ivanov.it/archiv/op5-k12.htm> (Дата обращения: 07.03.2017).

- ⁷ В историю мысли *Ольга Александровна Шор* (1894–1978) вошла прежде всего как многолетний и бессменный секретарь Иванова; составитель и комментатор, наряду с Д.В. Ивановым, знаменитого Брюссельского собрания его сочинений, однако служение великому поэту отнюдь не исчерпывает всей широты и оригинальности ее идей: «Ольга Александровна Шор являлась научным сотрудником РАХН с мая 1923 г., с 1926 г. – внештатный сотрудник философского отделения академии (под рук. А.Н. Габричевского). Тогда же она начала заниматься искусством Ренессанса, в связи с чем получила возможность ездить в научные командировки в Италию (1925–1926 гг.) <...> В 1927 г. О.А. Шор решает не возвращаться в Москву и навсегда остается в Италии» (*Рудник Н., Сегал Д.* Письмо О.А. Шор (О. Дешарт) Ф.А. Степуну [Электронный ресурс] // Журнальный зал в РЖ. Зеркало. 2001. № 17–18. URL: <http://magazines.russ.ru/zerkalo/2001/17/ru11.html>. (Дата обращения: 07.03.2017). Заинтересованные исследователи отмечали ее философский склад ума и исследовательский дар. Не забудем характерной для О.А. Шор саморепрезентации: «еврейка по крови, но русская по культуре» (*Шор О.А.* Ответ на анкету ГАХН // РАИ. Оп. 8. Карт. 1. П. 1. Л. 1).
- ⁸ РАИ. Оп. 7. Карт. 24. П. 7. Л. 7. Судя по датам, первым откликом на «Русскую идею» была не развернутая рецензия знакомого Иванова по «Muscagetu» Э.К. Метнера, а гораздо более краткая рецензия католика Ф. Мукермана: *Muckermann F.* Auf der Gralwarte // *Der Gral*. 1930. Vol. 24/6. S. 808, для которого центральной темой русской идеи было заблуждение «русского духа», впавшего в большевистский соблазн. По свидетельству Р. Бёрда, «статья возбудила умеренно оживленную реакцию, в основном в среде католической интеллигенции. Краткий обзор статьи за подписью “W. L.” (*Василий Леонтьев?*) лишь пересказывает аргумент Иванова в общих чертах без критической оценки» (*Бёрд Р.* Указ соч. С. 93, 95).
- ⁹ РАИ. Оп. 5. Карт. 12. П. 2. Л. 1–2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.v-ivanov.it/archiv/op5-k12.htm> (Дата обращения: 07.03.2017).
- ¹⁰ *Иванов В.* Русская идея. I. Знамение времени // *Символ*. 2008. С. 97.
- ¹¹ *Иванов В.* Русская идея. III. Полярность русской культуры // *Символ*. 2008. С. 120.
- ¹² *Medtner E. W.* Iwanows Wesenschau des Russentums // *Neue Zurcher Zeitung*, 1930. 28 November. No. 2305; 29 November. No. 2313. Сам Иванов оценил рецензию Метнера на свою брошюру чрезвычайно высоко, назвав лучшей критической статьей о «Русской идее».
- ¹³ Избранная переписка с сыном Димитрием и дочерью Лидией / Публ., вступ. ст. и коммент. Фр. Лессур // *Символ*. 2008. С. 599. Это письмо от 29 марта 1930 г. из Павии в Рим от Иванова к Л.В. Ивановой и О.А. Шор. Гуссерля Шор ценил значительно выше Хайдеггера: «Гуссерль сейчас единственный немецкий философ с интернациональным именем...» (РАИ. Оп. 7. Карт. 24. П. 9. Л. 6). Это письмо начала 1932 г.
- ¹⁴ *Михайловский А.В.* Философия как эзотерическое знание: к интерпретации притчи о пещере у М. Хайдеггера // *Платоновский сборник–II. Приложение к Вестнику Русской Христианской гуманитарной академии* / Ред. И.А. Протопопова, О.В. Алиева, А.В. Гараджа, А.А. Глухов, А.В. Михайловский, Р.В. Светлов. Т. 14. 2013. СПб., 2013. С. 414, 418.

- ¹⁵ Михайловский А.В. Указ. соч. С. 421–422.
- ¹⁶ Видимо, речь идет о «Бытии и времени» (1927).
- ¹⁷ РАИ. Оп. 7. Карт. 24. П. 10. Л. 5.
- ¹⁸ В письме к О. Зибеку, приводимом выше.
- ¹⁹ Янцен В.В. Эпизод из истории... С. 548–549. Современное библиографическое описание этого источника: *Der Pfeiler und die Grundfeste der Wahrheit: [Brief 1 – 12] // Östliches Christentum: Documente / Hrsg. von N. Bubnoff, H. Ehrenberg. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1925. [Bd.] 2. Philosophie. S. 28–193, – что соответствует описанию Шора.*
- ²⁰ Т. е. год начала чтения курса «О сущности [существо] истины».
- ²¹ Кто эта женщина – остается только гадать.
- ²² РАИ. Оп. 7. Карт. 24. П. 10. Л. 5. Письмо Е.Д. Шора к О.А. Шор от 18 февраля 1933 г. Разрядка автора письма. Я осознанно отказалась от реального комментария к тексту, поскольку это потребовало бы значительных времени и сил и само по себе является темой отдельного исследования; и еще раз выражаю благодарность А.Б. Шишкину за возможность процитировать, хоть и не полностью, это письмо.
- ²³ Михайловский А.В. Указ. соч. С. 412–414. В целом проблеме истины / *αλήθεια* как у Хайдеггера, так и у Флоренского посвящена значительная литература вопроса, однако далеко не вся она равнозначна. Назовем лишь наиболее серьезные исследования. О Хайдеггере: *Courtine J.-F. Heidegger et la phénoménologie. P.: Vrin, 1990; Gawny P. Adyton: Heideggers esoterische Philosophie. Berlin: Matthes & Seitz, 2010.* С Флоренским и *αλήθεια* дело обстоит куда интересней. После шквала разнообразнейших рецензий на «Столп и утверждение истины», где затрагивался, в частности, и этот вопрос (самые яркие из них, и список далеко не полон: *Трубецкой Е.Н.* Свет Фаворский и преображение ума. По поводу книги священника П.А. Флоренского «Столп и утверждение истины») // *Русская мысль. 1914. Кн. V. Отд. 2. С. 25–54; Яковенко П. [Б.В.].* Философия отчаяния (О книге свящ. П. Флоренского «Столп и утверждение истины») // *Северные записки (Пг.). 1915. Март. С. 166–177; Иванов Вяч.И.* Живое предание. Ответ на статью Н. Бердяева «Эпигоны савянофильства» // *Биржевые ведомости. 1915. 15 февр.; Розанов В.В.* Густая книга // *Новое время. 1914. 12 (25) февр. № 13622. С. 5–6; 22 февр. (7 марта). № 13631. С. 14* и мн. др., я могу – помимо тезисов в провинциальных сборниках и диссертации шестнадцатилетней давности (*Михалев С.В.* Учение об истине в философии П.А. Флоренского: дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2001. 134 с.) – назвать лишь две заслуживающие внимания работы последних лет, хотя бы косвенно затрагивающие эту тему: *Визгин В.П.* Платонизм Флоренского как экзистенциальный опыт // *Философия, богословие и наука как опыт цельного знания: Сборник статей по итогам юбилейной конференции, посвященной П.А. Флоренскому (1882–1937), МГУ–МДА, 2007 / Под ред. О.М. Седых. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 77–85; Половинкин С.М.* Христианский персонализм священника Павла Флоренского. М., 2015.
- ²⁴ См.: *Флоренский П.А., свящ.* Из истории античной философии / Под общ. ред. игум. Андроника (Трубачева); подг. текста и статья О.Т. Ермишина; комм. О.Т. Ермишина, А.В. Ахутина. М., 2015. С. 365.

- ²⁵ *Флоренский П.А.* Столп и утверждение Истины: (Письма к Другу) // Вопросы религии. 1908. Вып. 2. С. 226–384; *Флоренский П.А.*, свящ. О Духовной Истине: Опыт православной теодицеи. Вып 1–2. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1913 [указ. 1912]; *Флоренский П.А.*, свящ. О духовной Истине. Дисс. ... на соискание ученой степени магистра богословия. Сергиев Посад, 1913 (в этот вариант не вошли главы «София», «Дружба», «Ревность» и все разъяснительные разделы) и, наконец, *Флоренский П.А.*, свящ. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи. М.: Путь, 1913 [указ. 1914] – книга, ставшая, пусть ненадолго, лидером продаж книгоиздательства «Путь».
- ²⁶ Вполне, заметим, в духе неоплатонической традиции, мистики и метафизики света (перевод немецкого термина – А.В. Михайловского).
- ²⁷ Судя по датировке письма Шора Зибеку, 6 декабря, от начала курса, 27 октября, прошло чуть больше месяца, а лекцию 1930 г. Шор вряд ли слышал из-за идиосинкразии к Хайдеггеру, о которой пишет сестре.
- ²⁸ *Флоренский П.А.*, свящ. Столп и утверждение Истины. Т. 1 (I) / Вступ. статья С.С. Хоружего, историографический очерк игум. Андроника (Трубачева). М., 1990. С. 11. (Письмо Первое. Два мира.)
- ²⁹ *Флоренский П.А.*, свящ. Указ. соч. С. 15. (Письмо Второе. Сомнение.)
- ³⁰ Там же. С. 15–16.
- ³¹ Там же. С. 16.
- ³² Там же. С. 17–18.
- ³³ Ср.: «...у нас незаглушимо требование того, что *не* забвенно, что *не* забываемо, что “пробывает, μένει” в текущем времени. Эта незабвенность и есть истина, в понимании элина, есть ἀλήθεια, т. е. нечто способное пребывать в потоке забвения, в летейских струях чувственного мира, – нечто преодолевающее время, нечто стоящее и не текущее, нечто вечно памятуемое. Истина есть *вечная память* какого-то Сознания; истина есть ценность, достойная вечного памятования и способная к нему. <...> Следовательно, н е з а б в е н н о е с у щ е е, которого ищет сознание, эта ἀληθεία есть покоящийся поток, пребывающее течение, неподвижный вихорь бытия. (Там же. С. 18–19). «Немецкий» и «семитический» этимологические разборы понятия *истина* (далее Флоренский не пользуется интересующим нас термином ἀλήθεια) не столь интересны для нас, поскольку сам мыслитель считает их относящимися к социологии, а не к философии (см., напр., *Флоренский П.А.* Указ. соч. С. 20–23).
- ³⁴ Здесь и далее я буду опираться на текст лекций Хайдеггера 1931/1932 г., опубликованный в: *Heidegger M.* Vom Wesen der Wahrheit: Zu Platons Höhlegleichnis und Theätet // Gesamtausgabe. Bd. 34 / Hrsg. von H. Mörchen. Frankfurt a/M.: Vittorio Klostermann, 1988. Все точные («закавыченные») переводы с немецкого принадлежат А.В. Михайловскому, за что я еще раз, пользуясь случаем, выражаю ему свою благодарность.
- ³⁵ *Heidegger M.* Ibid. § 1. С. 6.
- ³⁶ *Heidegger M.* Ibid. § 2. С. 11–12.
- ³⁷ И даже Гераклит для Хайдеггера – не автор идеи движения (как, скажем, для Флоренского), а как выразитель основополагающего, базового греческого опыта истины как непопаенности (см.: Ibid. S 13–14).

- ³⁸ Я бы перевела этот термин как «подобие» или «сходство» – впрочем, подобное значение термина в русском его изводе учитывает и Флоренский.
- ³⁹ *Heidegger M. Vom Wesen der Wahrheit. § 2. S. 10.*
- ⁴⁰ *Флоренский П.А., свящ.* Указ. соч. С. 19.
- ⁴¹ *Раевский С. [Дурылин С.Н.]* В своем углу. Вступление 1942 г. // Резниченко А.И. О смыслах имен. М., 2012. С. 377. Впрочем, Дурылин – абсолютно точно – лекций Хайдеггера 1931/1932 г. не слушал. Зато Флоренского – абсолютно точно – читал.
- ⁴² *Лосев А.Ф.* Миф – развернутое Магическое Имя // Лосев А.Ф. Имя. Сочинения и переводы. СПб., 1997. С. 135. Лосевский текст – 1929 года, совсем перед хайдеггеровскими лекциями «О существе [сущности] истины».
- ⁴³ *Heidegger M. Ibid. § 2. С. 10.* Курсив Хайдеггера.